МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование кафедры)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-правовая защита религиозных чувств верующих и проблемы её реализации»

Студент Л.И. Дементьев
(И.О. Фамилия) (личная подпись)

Руководитель Н.Ф. Ангипова
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность настоящей бакалаврской работы заключается, с одной стороны, в продолжающихся дискуссиях в научной среде вокруг смысла и сути статьи 148 УК РФ, с другой стороны, в случаях злоупотребления защитой права на свободу совести и вероисповедания как в российском, так и в зарубежном правовом контексте.

Цель – раскрыть сущность защиты религиозных чувств верующих, а также выявить и попытаться решить проблемы её реализации.

Задачи: проанализировать понятия «религиозный», «чувство» и «верующие» в уголовном праве, ссылаясь как на судебную практику, так и на более широкий теоретический аспект данных понятий; проследить исторический путь защиты религиозных чувств в России и за рубежом; определить субъективные и объективные признаки по статье 148 УК; сопоставить состав преступления по статье 148 УК РФ с составами преступления по другим статьям.

Структура настоящей бакалаврской работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение 4

Глава 1 Защита религиозных чувств верующих в уголовном праве 7

1.1 Понятие «религиозные чувства верующих» 7

1.2 Исторический аспект защиты религиозных прав и чувств верующих в российском уголовном праве 11

1.3 Защита религиозных прав и чувств верующих в зарубежном уголовном праве 17

Глава 2 Проблемы уголовно-правовой защиты религиозных чувств верующих 24

2.1 Определение объективных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 148 УК РФ 24

2.2 Определение субъективных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 148 УК РФ 29

2.3 Отграничение состава преступления по статье 148 УК РФ от составов статей 136, 213, 214, 244, 282 УК РФ, статьи 5.26 КоАП РФ 33

Заключение 38

Список используемой литературы и используемых источников 40

Введение

В 90-е и начало 2000-х российский народ прошёл через религиозное возрождение. Распад СССР повлиял на реабилитацию прежних церковных институтов и проникновение на территорию России религий из других стран. Глобалистические тенденции современного мира привели к необходимости защиты религиозных чувств верующих, более того, религия начинает пользоваться популярностью у представителей высшей государственной власти и в некоторой мере ассоциироваться с нею и с традиционным русским укладом. Согласно соцопросу, проведённому ВЦИОМ, 63% опрошенных россиян относят себя к православной деноминации, из которых только 20% приняли осознанное решение стать православными христианами [36]. 29 июня 2013 года Федеральным собранием был принят закон, внёсший изменения в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Однако, особое выделение православия в законах РФ, как и попытка устранить религиозные противоречия, так или иначе возникающие в мультинациональной стране, могут привести и приводят уже к нарушению положений Конституции Российской Федерации и актов международного права. Хотя защита религиозных чувств сама по себе отвечает содержанию принципов уголовного права, определение понятий «религиозные», «чувства» и «верующие» крайне проблематично и касается не только областей уголовного права, но и философии права, и исторического контекста, в рамках которых они постулируются. Нужно ли защищать чувства тех представителей религии, чья вера основана на противодействии государству? Не смывается ли в таком случае грань между «одобренными» религиями и фактической государственной идеологией? Как в принципе измерить уровень чувства и его наличие? Нужно ли было принимать статью 148 при наличии схожих статей?

Актуальность данной работы для российского правового контекста заключается в том, что с тех пор, как в 2013 году были приняты поправки к УК РФ, включающие в себя статью 148, законодатель не уточнил, что

подразумевается под религиозными чувствами верующих. Вследствие чего проблема реализации их защиты остаётся и продолжает вызывать дискуссии в научной среде.

В зарубежном контексте примером актуальности служат как исламские страны, например, Саудовская Аравия, в которой доктора Хамзу Аль-Мазиани, высказавшегося в одной из своих статей об ухудшении образования из-за иностранных исламистов, лишили свободы за богохульство, так и европейские страны, например, Греция, где осудили на условный тюремный срок сатирика Герхарда Хадерера, изобразившего Христа в образе хиппи.

Объект исследования: общественные отношения, складывающиеся при реализации уголовно-правовой защиты религиозных чувств верующих.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, регламентирующие основные положения о нарушении права на свободу совести и вероисповедания, их квалификация и толкование.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы раскрыть сущность защиты религиозных чувств верующих, а также выявить и попытаться решить проблемы её реализации.

Работа включает в себя следующие **задачи**: во-первых, проанализировать понятия «религиозный», «чувство» и «верующие» в уголовном праве, ссылаясь как на судебную практику, так и на более широкий теоретический аспект данных понятий; во-вторых, проследить исторический путь защиты религиозных чувств в России и за рубежом; в третьих, определить субъективные и объективные признаки по статье 148 УК; в четвёртых, сопоставить состав преступления по статье 148 УК РФ с составами преступления по другим статьям.

Методы работы. В работе с данными задачами использован как диалектический метод, так и общелогические методы. Кроме того, применены также общенаучные методы (системный, конкретно-исторический) и юридические (толкование, технико-юридический анализ).

Тема «Уголовно-правовая защита религиозных чувств верующих и проблемы её реализации», несмотря на умеренную степень научной разработанности, содержит ещё немало аспектов, которые необходимо исследовать.

Структура настоящей работы состоит из введения, двух глав с тремя параграфами, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Теоретическая основа исследования. Работа выполнена со ссылками на таких ведущих специалистов в области юриспруденции как З.М. Бешукова, А.А. Акельева, В.Г. Кокорев, А.К. Погасий и др.

При составлении Выпускной квалификационной работы использованы труды религиоведов, религиозных публицистов и исторических деятелей, историков права.

Нормативная основа исследования. Нормативные акты российского и международного права, исторические правовые документы, в частности, Всеобщая декларация прав человека, Конституция РФ, УК РФ, ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ, Уголовные кодексы зарубежных стран; нормы античного, древнерусского, российско-имперского и советского права.

Исследования в области уголовного права составляют высокую практическую значимость и, как мы надеемся, послужат развитию уголовно-правовой науки.

Глава 1 Защита религиозных чувств верующих в уголовном праве

1.1 Понятие «религиозные чувства верующих»

Для более эффективного раскрытия сущности понятия «религиозные чувства верующих», присутствующего в части 1 статьи 148 УК РФ [50], необходимо разделить его на составные слова: религиозный, чувство и верующие. Каждый из этих терминов имеет своё толкование, но мы остановимся на самых основных.

Термин «религия» происходит от слова religare, что означает «связывать» или «соединять» [39, с. 436]. У специалистов-религиоведов существует несколько подходов к определению этого термина.

В русском религиоведении религия определяется как вера в сверхъестественное, которая выражается «в социально значимых проявлениях деятельности человека» [40, с. 220]. Проблема этого определения состоит в первую очередь в том, что оно фактически не видит различия между представлениями о сверхъестественном. К примеру, экстремистские материалы радикальных исламистов нередко содержат такие представления о сверхъестественном, которые едва ли возможно защитить в суде.

Другой подход – феноменологический – определяет религию через понятие «священное» («сакральное»). Священное отделяется от профанного, представляя собой явление иного порядка, нежели обычные проявления человеческой жизни, экзистенциально значимую встречу с чем-то не от мира сего [40, с. 222]. Сам по себе, такой подход возможно и полезен для религиоведческой науки, но в уголовно-правовой сталкивается с рядом препятствий: во-первых, уголовное право достаточно материалистично и для суда не имеет значения, действительно ли оскорблённое лицо пережило экзистенциальную встречу или оно лишь поверило в неё; во-вторых, авторы статьи 148 УК РФ пишут о «публичных действиях, выражающих явное неуважение к обществу», подразумевая, таким образом, что речь идёт о вполне

земных реалиях, на религиозном языке – «мирских». Данная проблема отчасти снимается в своеобразном понимании священного у М. Годелье, который предполагает, что священное есть воображаемое, символическое, некий вымысел [10, с. 214]. Если трактовать религию через вымысел, в таком случае, однако, вымыслом может быть что угодно. Теоретически гражданин может заявить об оскорблении его веры в инопланетян (к тому же, такая религия действительно существует) со стороны людей, которые отрицают их существование. Однако, в этом попросту отсутствует здравый смысл.

Другое определение религии предложено социологом И.Н. Яблоковым. Религия есть «сфера духовной жизни общества, группы и индивида», характеризующаяся «способом практического освоения мира и духовного производства» [30, с. 230]. Это уже куда более близкое к юридическому контексту толкование (духовная жизнь общества, что перекликается с положениями статьи 148 УК РФ), но оно также ограничено. Когда речь идёт о духовной жизни общества, теряется внимание к индивиду, который и заявляет об оскорблении своих чувств. Например, А.А. Матецкая пишет, что верующие считают себя большинством и чаще всего на этом основании требуют защиты своих чувств [26, с. 42], но даже сами верующие делятся на разные религии, в которых есть разные понимания отношений духовного и материального, «ересь и ортодоксия», «модернизм и традиция» и так далее.

Допустим ли хотя бы в теории православный «еретик», который подаёт заявление на патриарха об оскорблении его чувств? Скорее всего, нет, поскольку «еретик», как одиночка, не считается большинством, а государство скорее встанет на сторону официального православия, нежели его альтернативного направления. Таким образом, мы видим необоснованный крен в сторону общественной значимости какой-то религии, а не религии как таковой, в то время как заявитель парадоксально продолжает быть меньшинством – нам не встретилось ни одного дела, где заявление подавал бы коллектив свыше десяти человек.

Законодательство Российской Федерации тоже не даёт внятного определения понятию религия. Несмотря на то, что все религии равны, а государство не имеет какой-либо официальной веры (часть 1 статьи 14 Конституции РФ [21]), в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» оно уважает только те религии, которые составляют «неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [62]. Таким образом, разумно уточнить, что закон, скорее всего, преимущественно защищает именно эти религии. В статье 3 того же закона наличествует туманный термин «религиозные убеждения», который также нигде не раскрывается.

Как правильно заметил С. Булгаков, религия не поддаётся понятийному определению [8, с. 102], о ней можно говорить только применительно к конкретной частно-научной сфере, но даже и здесь в уголовно-правовой науке отсутствует безусловно авторитетное определение религии. По этой причине слово «религиозный» в понятии «религиозные чувства верующих» представляется бессмысленным и ничего не значащим до тех пор, пока законодатель не воспримет какую-то определённую точку зрения на религию. Но даже выбранная точка зрения может повлечь за собой проблему её восприятия, как достаточно объективной, самими верующими. Религия есть «сугубо личное, внутреннее переживание Бога» [41, с. 220]. Приглашённые эксперты-религиоведы, с учётом разнообразия трактовок этого понятия, едва ли могут помочь установлению истины.

«Чувства верующих», с точки зрения И.Н. Яблокова, есть эмоциональное отношение верующего к какому-либо явлению материального и нематериального мира [30, с. 121]. Только те эмоциональные отношения, по его мнению, являются религиозными чувствами, которые связаны с представлениями и идеями религиозного характера. Здесь мы снова встречаемся с уже известной проблемой разграничения религиозного и нерелигиозного, однако, толкование чувства, как эмоционального отношения, могло бы стать вполне корректным, если бы не отрицательное отношение к

эмоциональности в некоторых религиях (в частности, в аскетических школах православия), подталкивающее к необходимости отказываться от отождествления своего состояния с эмоциями.

Что касается категории «верующий», то её сложность состоит в оценке приоритетности внешних и внутренних качеств человека. О.А. Иванюк считает, что вера – это «уверенность в свидетельстве другого человека» [18, с. 51], которая выражается в форме исповедания. Тогда верующий человек – это тот, кто открыто заявляет о своей вере. В то же время, поскольку уголовное право ориентируется на справедливую оценку характера общественной опасности (статья 6 УК РФ), представляется важным, чтобы личность заявителя о данном преступлении также принималась во внимание. Но как установить наличие внутренней веры, оставаясь в рамках уголовного права? Возможно ли определить, верующий или неверующий, по формальным критериям и где такие критерии прописаны? Ведь если верующим себя назовёт тот, кто на самом деле не верит (а образ «волка в овечьей шкуре» известен среди всех религий, охраняемых законом), степень уголовного наказания окажется несправедливой. К тому же, как верно подметил А.В. Кураев, количество людей, исполняющих обряды своей религии, всегда значительно меньше основного числа формально верующих [24, с. 23]. Выходит, мы получаем превалирование религиоведческой экспертизы над уголовным законом; экспертизы, которая способна легко нарушить и принцип независимости суда.

В некотором смысле любопытным является ещё и тот факт, что христианская религия учит а) прощать врагов (Евангелие от Луки, глава 6, стихи 35-38), б) не судится у внешних (Первое послание к Коринфянам, глава 6, стих 6). Сам же основатель религии, Иисус Христос, подвергался обвинением в богохульстве (Евангелие от Иоанна, глава 10, стих 33) [7]. Остаётся невыясненным, каким образом может оскорбиться христианин, если его религия не даёт такого права. Неясно, почему мы должны считать верующим христианином того, кто не соблюдает уставы собственной религии.

Наконец, не выходит ли так, что это лишнее доказательство размытости самого понятия «религия»?

Нам не остаётся ничего другого, кроме как согласится с А.А. Акельевой, что «неясно какого человека можно признать верующим и как определить статус верующего или неверующего человека» [1, с. 66], возможно лишь ссылаться на самопрезентацию, которая всегда остаётся ущербной, когда речь идёт о действительности. В категорию «верующие» попадают только те, кто заявили себя, как верующие, и их «оскорблённость» была описана экспертизой.

Всё вышеперечисленное говорит о том, что «религиозные чувства верующих» в уголовном праве – это понятие-симулякр. В самом минимуме оно означает следующее: действия, предпринимаемые с целью восстановления чьего-либо субъективно попранного достоинства, определяемые религиоведческой экспертизой как религиозно мотивированные. Приглашённый религиовед может оказывать сильное влияние на судью в этой области и тем самым нарушать установленный законом принцип независимости.

1.2 Исторический аспект защиты религиозных прав и чувств верующих в российском уголовном праве

Вопрос защиты религиозных чувств верующих неразрывно связан с историей российского государства. На протяжении многих лет государство и аффилированные с ним институты охраняли общественный порядок через принятие законов в сфере религиозного права, защищая преимущественно интересы Православной Церкви.

В первом законоучительном документе Руси – Русской правде (как в пространной, так и в краткой редакции) – нормы защиты какой-либо религии не встречаются. Это может свидетельствовать как о том, что государство ещё не в полной мере реципировало византийское право, где к тому времени уже

существовали подобные законы и обычаи, так и о том, что церковное каноническое право уже действовало самостоятельно от светского. С другой стороны, нельзя не упомянуть, что княжеский указ о крещении киевлян содержал требование перехода из язычества в Православие под страхом наказания, об этом свидетельствует митрополит Иларион [43, с. 18]. Те же, кто не согласился менять веру, были вынуждены уйти из Киева [38, с. 397]. Эти «не согласившиеся» впоследствии нападали на православных христиан, и епископы настаивали на их казни, что можно счесть первым свидетельством защиты, по крайней мере, определённой категории верующих. Более поздние свидетельства содержатся в Повести временных лет, в частности, случай с новгородским волхвом, который принялся «хулить христианскую веру», за что был казнён князем Глебом. Охранение религиозных прав началась с нападения на чувства верующих прежней религии [43, с. 17.].

Церковный устав, который приписывается Владимиру Святославичу, но на самом деле датирован более поздним временем, в своей Оленинской редакции содержит преступления чисто церковного характера, например, «еретичество» [56]. В XII веке митр. Кирилл в «Слове о злых дусех» высказывается о необходимости наказания колдунов [47, с. 27]. Кормчая книга 1262 г. запрещает игру в шахматы, связывая её с религиозными мотивами [65, с. 67]. Государство, вовлекаясь в религиозные дела, ещё хранило осторожность. Так, святой православный подвижник, монах Авраамий, был обвинён в богохульстве и ереси своими единоверцами, но князья выступили в его защиту и казни удалось избежать.

В XIV веке на территории новгородской и псковской Руси начали распространяться стригольники – движение, получившее своё название благодаря основателю, некоему Карпу, который работал парикмахером. Во многом они напоминают более поздних беспоповцев. Государство под предлогом защиты христианской веры жестоко преследовало в начале руководителей движения, а затем и их паству [47, с. 28]. То же самое, но с вкраплением политических мотивов ожидало секту жидовствующих. Святой

Иосиф Волоцкий и святой Геннадий Новгородский призывали государство защитить чувства верующих – простых еретиков судить, а лидеров движения – казнить. До нас дошли следующие слова из «Просветителя» святого Иосифа: «должно не только осуждать еретиков и отступников, но и проклинать их, и не только проклинать, но и предавать лютым казням» [35, с. 120]. Государство в лице тех самых царей, князей и мирских судей охотно слушалось иосифлян.

В XVI-XVII веках вмешательство государства в область религиозного права усилилось. Если судебник 1550 года ещё не знает строго религиозных преступлений, впрочем, отводя решение по этому вопросу церковной юрисдикции (статья 91), уже в Соборном уложении 1649 года, главе 1, статье 1 предписывается сжигать еретиков и хулителей, будь они иноверцы или даже православные [49]. Статья 2 того же уложения говорит о необходимости казнить и тех, кто мешает проведению литургии. Интересно отметить, что первая глава Уложения посвящена практически исключительно религиозной сфере жизни общества. Это означает, что государство окончательно срослось с церковной юрисдикцией, поглотив её самостоятельную правосубъектность. Проблемы Церкви стали проблемами государства, как до этого – в Византийской империи.

Власть воспринималась как данная от Бога, и Соборное уложение 1649 года поддерживало своё значение вплоть до 1832 года. Однако, в промежутке между этими датами принимались и другие законы по защиты чувств православных верующих. Так, например, Морской устав 1720 года и Воинский артикул 1715 года чётко классифицировали религиозные преступления по степени наказания. Морской устав в книге IV, главе I, статье 1 требовал за идолопоклонничество либо заключения, либо смертной казни, то же самое в отношении хулы по статье 2 и статье 3 [58]. В Воинском уставе, артикул третий и четвёртый, императором Петром введены аналогичные наказания [59].

В правовых документах государство и Церковь наделяли императора главенством в религиозной сфере. Павел I в Акте о престолонаследии

1797 года именует императоров «суть главою Церкви». Вопреки распространённому заблуждению, формула «император – глава Церкви» не является английской, а унаследована от Римской империи. Позиционирование императорами себя, как руководителей земной Церкви, позволяло им защищать и блюсти христианскую (православную) веру абсолютно и безоговорочно.

Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года в целом продолжает традицию защиты чувств православных верующих, делая, впрочем, небольшой шаг к современной свободе вероисповедания. Раздел I, глава I, статья 182 за возводимую на Бога, Деву Марию и Христовый крест хулу налагает на преступника наказание в виде каторги сроком от 12 до 15 лет. В случае, если преступление совершено вне церковного здания, речь идёт о сроке в 6-8 лет [43, с. 572].

Однако, государство защищает не только православных верующих, но и верующих всех остальных христианских конфессий. В статье 190 второй главы за «отвлечение» от христианской веры «православного или другого исповедания» в ислам или иудаизм следует наказание в виде каторги от 8 до 10 лет. Тем не менее, за отступление от православной веры в другую христианскую конфессию государство приговаривало к ссылке или розгам [28].

Историк В. Ф. Левин приводит случай с крестьянином А. Демяшкиным из села Кабаево, который пытался путём насилия обратить членов своей семьи в иудейскую веру, за что был впоследствии отправлен в бессрочную ссылку [25, с. 78-79]. По словам Левина, государство делило религии на приемлемые, нежелательные и изуверные [25, с. 81].

Таким образом, с этого периода начинается относительная гуманизация защиты религиозных чувств, из права окончательно уходит норма о смертной казни за религиозные преступления.

Уголовное уложение 1903 года ещё более гуманизирует отношение государства к богохульству и преступлениям на религиозной почве [28]. В

статье 73 содержится требование ссылки или заключения в крепости (или исправительном доме) на срок не свыше 3 лет. Учитываются неразумие, состояние опьянения и невежество как смягчающие обстоятельства. Статья 76 защищает нехристианские религии, наказывая их поругателя и хулителя арестом. Совращение христианина в нехристианскую религию отныне связывается с насильственными действиями и обманом, и таким образом приближается к современному законодательству о свободе вероисповедания. Государство по-прежнему сохраняет за собой статус православного, но подвижки в направлении его светскости случаются в основном в Декларации прав народов России от 1917 года, когда имперская монархия обрушивается и наступает эпоха коммунистического режима.

Анализируя вероисповедный вопрос в начале XX века, А.А. Дорская говорит, что «государство определяло и контролировало практически все стороны жизни “терпимых” церквей» [14, с. 215]. Так, высшие духовные лица инославных Церквей, к примеру Евангелическо-Лютеранской, назначались императором.

Пришедший следом коммунистический режим нельзя назвать светским в полном смысле этого слова, поскольку свобода вероисповедания носила очень условный характер, а господствующая в государстве атеистическая идеология препятствовала её полной реализации. Общеизвестны факты гонения как на православную, так и на католическую, и протестантские Церкви. Гонениям подвергались и представители других религиозных течений.

В 1990 году принят закон СССР от 01.10.1990 N 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» [17], а в 1993 году в Уголовный кодекс РСФСР законодатель добавил статью о нарушении права на свободу вероисповедания. Интересно отметить формулировку «Оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии», присутствующую в УК РСФСР [16]. Здесь отсутствует категория «верующие», которая будет добавлена в более поздние редакции. Возможно, если бы государство

сохранило старую формулировку, удалось бы избежать хотя бы части сложностей в определении и реализации защиты религиозных чувств.

Рассматриваемое нами в этой работе законодательство пришло к своему завершению после резонансного дела «Pussy Riot». Судебный процесс над Алёхиной, Самуцевич и Толоконниковой начался после так называемого панк-молебна в храме Христа Спасителя, который, по словам прокурора, «нанёс глубокие духовные раны» [2], поскольку был проведён на амвоне, месте литургического богослужения православных христиан. Об оскорблении чувств верующих говорила и заявительница Л. А. Сокологорская [46], однако, старая редакция статьи 148 УК РФ включала в себя только воспрепятствование деятельности религиозных организаций, которое в действиях участниц движения отсутствовало, поэтому они были квалифицированы как хулиганство.

Государство посчитало, что верующие могут и впредь пережить оскорбление своих чувств, лоббировало их интересы и управление Московской патриархии. Несмотря на критику законопроекта со стороны известнейших общественных деятелей, в Уголовный кодекс 29 июня 2013 года внесли поправку, переформулировав и дополнив статью 148, включив туда новый состав. Сегодня правоохранительными органами деяния, совершённые в нарушение данной статьи, анализируются в контексте преступлений экстремистской направленности [19, с. 58].

Итак, следующий вывод можно сделать исходя из вышеуказанных фактов: история защиты религиозных чувств в России неотделима от фактически главенствующей идеологии. Российское право пришло к свободе вероисповедания далеко не сразу, и до сих пор в этом отношении наблюдаются сложности. В сравнении с предыдущими эпохами настоящий этап развития религиозного права можно охарактеризовать как прогрессивный. Начав защищать права конкретной группы верующих, государственный закон постепенно перешёл к охранению прав и свобод всех верующих. Осталось

лишь гадать, когда наступит тот день, когда законотворческая деятельность государства возьмёт под своё крыло и неверующих.

1.3 Защита религиозных прав и чувств верующих в зарубежном уголовном праве

Процесс становления законодательства о свободе вероисповедания в зарубежных странах имеет похожую, если не аналогичную историю. Прежде, нежели была построена русская государственность, в странах античного мира уже имелись законы о богохульстве. Мы не станем подробно разбирать историю зарубежного уголовного права и задержимся только на основных периодах его развития, остановив своё внимание также на современных европейских «законах о богохульстве».

В качестве первого периода историки выделяют античность. Античные люди мыслили себя как часть целого, ойкумены, где сюжеты божественных отношений вплетены в ткань реальной истории. Зависимость античного человека от необходимости поклоняться тем или иным богам, чтобы выразить себя и свою культуру, была данью этой парадигме и защищалась на высшем государственном уровне. Так, например, уже в древнем Риме существовало божественное право (ius divinum), сферой влияния которого была религиозная ритуалистика и деятельность культа. Законы об «асебии» (в противоположность эвсебии), то есть богохульстве, в афинском праве применялись в качестве карательной меры при таких преступлениях, как поругание святынь или отрицание божеств. Известным случаем применения оных был случай с древнегреческим философом Сократом.

Авраамические религии, господствующие сегодня, сложились вокруг текста Священного Писания или Торы. Границы авторитетности Торы, как и её более полной версии, Библии, находятся под вопросом у многих богословов, однако, никто не отвергает того факта, что Тора содержит правовые нормы, в том числе нормы о богохульстве. Кем бы они ни были даны

– человеком или Богом – они отражают типичное отношение общества к подобного рода преступлениям. Ветхий Завет запрещает богохульство (Книга Левит, глава 24, стих 16) и неоднократно карает за совращение в иную религию (Книга Чисел, глава 25, стихи 1-3; Второзаконие, глава 13, стихи 12-16; Книга Исход, глава 23, стихи 23-24) [7]. Наличие ветхозаветного Закона в Библии христиан сыграло двойную роль в развитии принципов самозащиты религиозных институтов. С одной стороны, само юридическое понимание греха, а соответственно и взаимоотношений Бога и человека позволило ветхозаветному Закону прочно закрепиться в дальнейшей церковной судебной практике. Юриспруденция, как способ миропонимания, была удобопонятна и естественна, отвечая сиюминутным потребностям общества, которое нуждалось в консолидации против воинственных племён Ханаана, позднее – против язычников и еретиков.

С другой стороны, присутствие в каноне Нового Завета, проповедники которого интерпретировали понятие «Закон» в духе любви (Послание к Галатам, глава 5, стих 14) [7], постоянно выдвигало необходимость благородных оснований для применения юридических норм. Первые христиане сами были гонимы, а авторитет апостолов и их учеников одолевал желание бороться с инакомыслием путём «мирского» суда, судящего по законам мира, а не по закону Бога. Хотя «уже в ранней христианской церкви возникла проблема организационного единства и появилось такое явление, как межконфессиональная борьба» [23, с. 174], эта борьба была скорее религиозно-мировоззренческой, так как стороны не обращались за поддержкой к государственной власти, не искали аргументов из области общественной солидарности и себя не рассматривали как общественный институт. Они сумели на некоторое время выйти из подчинения национальному ветхозаветному Закону, объясняя его в духовном, мистическом и аллегорическом смысле. По этой причине раннехристианская Церковь не испытывала на себе сильного влияния римского юридизма и ориентировалась на устные предания, а не на закреплённое епископской

властью позднее каноническое право. В то время известный христианский богослов Тертуллиан писал: «Но делайте это, добрые наместники, становящиеся гораздо более любезными народу, принося им в жертву христиан; распинайте, истязайте, осуждайте, истребляйте нас: ведь доказательством нашей невинности служит ваша несправедливость» [48, с. 191], тогда христиане ещё могли сказать: «Ни один христианин никогда не пытался следовать Иктиасову примеру, чтобы отомстить за своих единоверцев, рассеянных со всевозможной суровостью» [48, с. 183].

В дальнейшем, однако, с момента легализации императором Константином христианства и далее, в период правления Феодосия Великого и Юстиниана Великого, Церковь стала частью сферы публичного права. Если поначалу римская государственная религия боролась с христианством по причине продвигаемого им безбожия и неуважения к императорскому культу (монотеизм рассматривался, как разновидность атеизма, как посягательство на государственные устои и традиции), то в последствии роли поменялись и из гонимой Церковь превратилась в гонителя. Церковь, изначально юридически несостоятельная, встроилась в мощную римскую правовую систему и взяла на себя бремя национального культа со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Она стала могущественным игроком на политической арене Европы и главным хранителем государственной идеологии. Этого не избежала ни одна христианская конфессия, за исключением Ассирийской церкви Востока и Коптской церкви, которые были вынуждены взаимодействовать с чужеродной религией. Это может объяснить, почему защита религиозных чувств в России, о которой идёт разговор в предыдущем параграфе, сохранилась в своей первоначальной форме (в форме преследования за очень тяжкое преступление), когда менталитет античного человека, казалось бы, ушёл в прошлое.

Уже в Кодексе императора Феодосия содержится следующая норма: «[ежели] подняв дерн, воздвигнет жертвенник {и на нем} никчемным изображениям попытается принести жертву, хоть бы и самую ничтожную

этим все же нанесет немалое оскорбление {католической} религии» [22, с. 41]. Под «католической» здесь разумеется не Римо-католическая церковь, а неразделённая «Кафолическая» (или «Вселенская» в переводе на русский язык). Мы видим, что защита религиозных чувств одних верующих ничуть не менее, чем в России, связывалась с притеснением других.

После падения Римской империи западноевропейское право отчасти унаследовало, отчасти уже имело тенденцию защищать чувства верующих сурово и беспощадно. В. В. Андрощук отмечает: «в западноевропейском праве так называемого варварского периода (начало V – середина XI века), подобно уголовному праву евреев и римлян, преступление вообще рассматривалось как оскорбление богов и требовало искупления жизнью преступника или нанесения ему телесных увечий» [3, с. 19]

Не исключением стала и Византия. Известны гонения императрицы Феодоры, позднее объявленной святой в Русской Православной Церкви, на павликиан. Она издала декрет, «согласно которому перед павликианами ставился выбор: обратиться или умереть». Поскольку павликиане отказались обращаться в православную веру, они были распяты на крестах, казнь оказалась массовой, умерщвлено было около 100 000 человек [69, p. 42].

Появление в Западной Европе инквизиции стало не более чем продолжением уже устоявшейся традиции защиты религиозных чувств с мечом в руке. Согласно Ф. Барбиерато: «светские и духовные власти вступили в жесткое соперничество за то, чтобы утвердить свою юрисдикцию над проявлениями богохульства» [5, с. 82].

Ситуация стала меняться в эпоху Реформации, когда в Европе появилась более чем одна христианская конфессия. Спустя многолетнюю борьбу католиков и протестантов Нантский эдикт даровал свободу вероисповедания гугенотам [67, с. 167], аналогичные законы были приняты в Германии (событие, известное как «Аугсбургский религиозный мир»), положив конец противостоянию лютеран и римо-католиков.

Процесс секуляризации законодательства о религии начался, в частности, с принятия в США поправки к Конституции от 1791 года: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной» [71]. Это создало благоприятную почву для дальнейших шагов по реализации свободы вероисповедания в Европе. Декларация прав человека и гражданина от 1789 года: «никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом» [63, с. 26-29]

Права человека и гражданина в области свободы вероисповедания развивались в соответствии с принятой правовой доктриной по отделению Церкви от государства. Положения о свободе исповедовать ту или иную религию без дискриминации содержатся в частности, в статье 22 Устава Лиги Наций 1920 года [57], статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [27], статье 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [9], статьях 1 и 2 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений 1981 года [11], наконец, в статье 27 Арабской хартии прав человека [70].

В уголовных кодексах отдельных стран тоже существуют нормы о богохульстве и защите религиозных чувств верующих. В Уголовном кодексе ФРГ этой цели посвящены параграфы 167 («Препятствование отправлению религиозного обряда»), 167а («Препятствование совершении погребального обряда»), 166 («Оскорбление вероисповеданий, религиозных обществ и мировоззренческих объединений»). Последний параграф запрещает оскорбление содержания «религиозных вероисповеданий и мировоззренческих взглядов других лиц каким-либо образом, что ведет к нарушению общественного спокойствия». Наказание – до трёх лет тюремного заключения [52, с. 284]. Бельгийский Уголовный кодекс в статьях 143, 144 и 145 тоже содержит «оскорбление предмета почитания», но сужает место

преступления до церемониального [55, с. 154] и дополнительно защищает личность священника во время отправления культовой практики.

Уголовный кодекс Голландии запрещает высмеивать священника во время ритуала, пренебрежительно отзываться о предметах, используемых для религиозных празднований. Статья 147 этого документа упоминает «злостное богохульство» в качестве основания для ответственности. Статья 147а предусматривает условие совершения преступления лицом во время профессиональной деятельности. Наказание – не более трёх месяцев тюремного срока или штраф второй категории. [51, с. 253].

Важно отметить, что «закрепление уголовной или административной ответственности за богохульство» выглядит странно, так как «светский характер государства постулирует отсутствие государственной религии, а установление ответственности за богохульство неизбежно предполагает предпочтение какой-либо религии или религиям» [60, с. 206]

Параграф 140 Уголовного кодекса Дании преследует за фактическое высмеивание или оскорбление догматов и богослужебных практик любого законного религиозного сообщества, не затрагивая наличие или отсутствии оскорбления личных религиозных чувств. Наказание – простое заключение под стражу, если имеются смягчающие обстоятельства, налагается штраф [54, с. 140]

Наконец, австрийские законотворцы в параграфе 188 Уголовного кодекса предусмотрели, вместо абстрактной формулировки «оскорбление» более конкретную: «дискредитация религиозного учения». Кодекс также указывает на высмеивание, как одну из форм дискредитации. Наказание за нарушение – лишение свободы, максимум, до шести месяцев, или штраф в размере от 1 до 360 дневных ставок. Лишению свободы на срок до двух лет наказываются, согласно параграфу 189 того же закона, лица, препятствующие религиозной деятельности [53, с. 201]

Итак, как показывает вышеописанное, защита религиозных чувств есть явление по своей истории давнее, восходящее ко временам до учреждения

российской государственности. Как в своей непримиримой борьбе с инакомыслием, так и в гуманистическом «взаимоприятии» эта практика проникла в российское право из зарубежных стран. В настоящее время свобода вероисповедания и охрана религиозных прав граждан защищаются международными законами, обязательными на территории Российской Федерации.

В зарубежном уголовном праве имеются аналогичные статьи, часть из них по своему смыслу очень похожа на современную статью 148, за исключением того, что на фоне данных законодательных норм российская статья выглядит местами сырой, а местами попросту копирующей те же ошибки и неточности, которые присутствуют в зарубежном праве.

Тем не менее, мы можем согласиться, что «нормативное закрепление в государственных актах принципов свободы совести и светского государства не является гарантией их реального воплощения и соблюдения» [20, с. 110], поэтому могут и должны существовать нормы, наказывающие за нарушение этих принципов и позволяющее более тщательно контролировать их соблюдение.

Глава 2 Проблемы уголовно-правовой защиты религиозных чувств верующих

2.1 Определение объективных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 148 УК РФ

Объективными признаками состава преступления являются объект, определяемый как то, на что направлено преступное посягательство и чему причиняется вред в результате преступных действий, и объективная сторона, характеризующаяся внешним, доступным для исследования проявлением преступления.

Выделяют родовой, видовой и непосредственный объект преступления. Непосредственным объектом преступления в соответствии с названием статьи 148 УК РФ выступает право на свободу совести и вероисповедания, которое охраняется Конституцией РФ. Родовой объект определяется наиболее значимыми с точки зрения государства интересами и ценностями общества, в данном случае охраняется личность человека. Видовым объектом выступает конституционная свобода и право человека и гражданина. Именно это обуславливает общественную опасность: право, гарантированное статьёй 28 Конституции РФ, поставлено угрозу. Категория данного преступления – небольшой тяжести.

Как и международная, российская юридическая доктрина полагает, что «любое негативное воздействие в сфере межрелигиозных, межнациональных отношений может привести к серьезным, дестабилизирующим последствиям» [6, с. 273]. «Свобода личности – это не только свобода от каких-либо идеологических догм и свобода выбора своего поведения, но и учёт интересов других индивидов, общества в целом» [29, с. 80]. При этом религиозные чувства верующих не могут быть выделены в отдельный объект преступления, поскольку право регулирует не чувства, а действие [34, с. 123]. Потерпевшим считается верующий не запрещённой законом религии. Хотя в Конституции

РФ задекларировано всеобщее право на свободу вероисповедания, в действительности защищаются лишь «нереакционные» религии, свободные от экстремизма. Едва ли свидетели Иеговы или члены Аум Синрикё (организации, запрещённые на территории РФ) имеют возможность выиграть дело об оскорблении чувств верующих, хотя с религиоведческой точки зрения существенной разницы между православной религией и религией свидетелей Иеговы в эмоциональном отношении верующих к своим доктринам нет.

Объективные признаки составов преступления по статье 148 УК РФ не предусматривают формы бездействия. Часть 1 предполагает действия, причиняющие верующим обиду: публикация порочащих религиозные доктрины материалов, открытое очернение какой-либо религиозной группы или организации, часть 2 – те же действия, но совершённые в местах религиозного культа, в том числе с намерением осквернить храмовое благочиние. Действия второго состава, предполагаемые частью 3 и частью 4, могут выражаться в незаконном отказе в регистрации, юридическом давлении на верующих, принуждении к отказу от убеждений, срыве религиозного богослужения, пункт «б» части 4 определяет отягчающий квалифицирующий признак — совершение преступления с применением насилия.

Квалифицировать действия по части 1 и части 2, как объективный признак, возможно в случае их публичного совершения. Объясняя, что подразумевается под «публичным совершением», Ю.Е. Федотова пишет: «публичность подразумевает совершение действий в месте, где их восприятие может стать доступным для неопределенного круга лиц, среди которых должны быть «верующие» лица (не менее двух, так как слово употреблено во множественном числе)» [61, с. 200]. Обязательным условием применения части 1 и части 2 является наличие установленного «неуважения к обществу», в то время как для части 3 и части 4 достаточно доказанного факта воспрепятствования с отягчающими или без отягчающих обстоятельств. Разъясняя формулировку «неуважение к обществу», Верховный Суд РФ в Постановлении от 15.11.2007 N 45, статья 1, пишет: «Явное неуважение лица

к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним» [33]. Неизвестно, впрочем, каким образом индивидуум может существовать в обществе, не противопоставляя себя ему, не пренебрегая общественным мнением в пользу своего частного? Это пересекается с проблематикой статьи 148 УК РФ.

Преступление считается оконченным с момента совершения общественно опасного действия. Состав преступления по части 1 и части 2, как и по части 3, части 4 – формальный, приготовление невозможно, возможно покушение на преступление. Специфические место, время и обстановка совершения преступления в части 1 и части 3 не указаны, в то время как часть 2 предусматривает место проведения религиозного культа, как на обязательный признак. В части 4 указаны способы совершения деяний, предусмотренных частью 3 – с применением насилия или угрозой его применения, или через использование служебного положения.

Говоря о проблемах определения объективных признаков, необходимо заметить, что в тексте статьи 148 УК РФ присутствует неоправданная редукция объекта до «оскорбления чувств верующих». Если в названии речь идёт о более широком понятии, имеющем в российском законодательстве и международно-правовых актах отношение и к верующим, и к неверующим в одинаковой степени, то в данной статье защищается лишь чувство верующих. Складывается впечатление, что охране подлежит только право исповедовать религию, а под «совестью» разумеется совесть верующего.

И действительно, судебная практика показывает отсутствие применения статьи 148 в защиту атеистически настроенных граждан, а местами даже простое выражение мнения об отсутствии Бога описывается как нарушающие законодательство о свободе вероисповедания. К примеру, в административном решении Ленинского районного суда города Грозный от 17 июля 2020 года по делу № 2А-626/2020 суд, сославшись в числе прочего на

статью 148, пишет следующее: «По смыслу действующего законодательства под указанное поведение подпадает выступление атеиста на каком-либо собрании либо в средствах массовой информации, который будет отстаивать свою точку зрения о том, что бога нет» [42]. Стоит отметить: «явное неуважение к обществу», судя по всему, не предусматривает явного неуважения к неверующим, словно последние не входят в общество.

Строго говоря, при работе с законодательством малопонятно, что российское право подразумевает под свободой совести и свободой вероисповедания. Как справедливо заметили Р.Б. Осокин и В.Г. Кокорев: «их определения отсутствуют в Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»» [31, с. 112], такая путаница в нахождении признаков нарушения этих прав может быть аргументирована пробелом в российском законодательстве.

Следующая проблема определения объективных признаков связана с дифференциацией религиозной группы и религиозной организации. По неизвестным причинам их различие текст статьи не учитывает, охраняя лишь права религиозной организации. Согласно части 1 статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозная группа — это «добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица», в то время, как религиозной организации, исходя из части 1 статьи 8 того же Закона, дано следующее определение: «добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица» [62].

В части 3 статьи 148 речь идёт только о незаконном воспрепятствовании деятельности религиозной организации, но о религиозной группе не

говорится. Поскольку деятельность религиозных групп несводима к проведению церемоний, а может иметь и внеритуальный характер (например, библейский кружок), статья фактически даёт преимущественное право защиты зарегистрированным религиозным объединениям и ущемляет права незарегистрированных. Это означает, что если некий гражданин воспрепятствует библейскому кружку в религиозной группе N, то совершенно законно избежит наказания, которого не избежал бы при наличии другой формы юридического лица. Вероятно, законодателю стоит изменить статью 148 таким образом, чтобы включить в неё и незарегистрированные объединения, действующие законно.

Верующий может оскорбиться тем, что другие верующие проповедуют учение или мнение, не согласующееся с традицией организации или выпадающее из главенствующей системы религиозных воззрений. Например, православный архимандрит Феогност (Пушков) пишет, осуждая либеральных теологов: «Он [Бог] – полный суверен и судья всего человечества, и никто другой не будет судить даже тех людей, которые “не верили” в Него или не признавали Его власти. Он и только Он будет судить всё человечество. И судить будет не просто “по добрым или злым делам” (как учат наши желторотые либералы), а именно “по отношению к Нему”: Своих врагов Он осудит на смерть» [4]. Должно ли государство реагировать на оскорбление чувств верующих и в этом случае, если кто-либо из либеральных теологов обратится с заявлением в полицию? И самое главное, чьи именно чувства оно будет защищать? Не является ли тогда способом совершения преступления обычная проповедь? Не вмешивается ли государство в ту самую область общественных отношений, богословие, библеистику и философию, которые отделены от государственного контроля?

Мы согласны, что «навязывание взглядов, соперничество, конфликтность не позволят сосуществовать народам, обречет их на постоянные бедствия, приведет к непрекращающемуся территориальному делению государств, уничтожению культуры» [13, с. 43], однако, если

государство и должно играть какую-либо роль в религиозных спорах, то примиряющую и разрешительную, а не карательную.

В соответствии со статьей 6 УК РФ применяемое судом наказание должно быть соразмерно степени и характеру опасности преступления для общества и исходя из обстоятельств его совершения. В действительности, мы видим, что определение объективных признаков статьи 148, по всей вероятности, может привести к применению несправедливого наказания, поскольку санкции зависят от прописанной в статье диспозиции. С учётом изложенного напрашивается следующий вывод: положения статьи 148, возможно, не в полной мере соответствуют конституционно-правовым нормам и смыслу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В этом с нами согласны и Д.Ш. Пирбудагова, и К.М. Исаева: «Закреплённые нормы направлены на защиту одной категории граждан и никак не защищают права другой» [32, с. 96]. Если каждому, как написано в статье 23 Конституции РФ, гарантирована свобода вероисповедания и право действовать в согласии с убеждениями, очевидно, что под защиту должны попадать и неверующие люди, и религиозные группы.

2.2 Определение субъективных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 148 УК РФ

В субъективные признаки состава преступления входит субъект, определяемый как лицо, чьи действия направлены на совершение преступления, и субъективная сторона, связанная с внутренним отношением данного лица к совершаемому им преступлению.

Субъектом преступления по настоящей статье является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, независимо от гражданства и принадлежности к какой-либо конкретной вере. В качестве специального субъекта часть 4, пункт «а» выделяет лицо, использующее своё служебное положение.

Существенным свойством преступлений в уголовном праве признаётся вина либо в форме умысла (прямого или косвенного), либо неосторожности (небрежности или легкомыслия). Согласно статье 5 УК РФ, лицо подлежит ответственности только в случае, если будет доподлинно установлена его вина. Преступник, нарушающий статью 148, как утверждается, имеет всегда прямой умысел на посягательство на право на свободу совести. Для привлечения лица к ответственности за действия, предусмотренные частью 1 и частью 2 статьи 148 требуется доказать наличие специальной цели – оскорбить чувства верующих.

Как мы говорили, ортодоксальные и гетеродоксальные верующие могут обвинять друг друга в оскорблении просто по факту того, что не согласны в вопросах вероучительного характера. Порог «оскорблённости» у каждого свой и каждый по-своему интерпретирует чужой религиозный опыт, но исторически, как было показано в предыдущей главе, чужой опыт считывался как враждебный, по определению отрицательный, и подвергался остракизму, если он нарушал догматику или сложившийся обычай. Даже если человек не преследовал цели оскорбить или выразить неуважение к обществу, тем не менее, само его несогласие с существующей доктриной, его теологический контраргумент или – в случае если он неверующий – критика Божественного бытия, воспринимаются как оскорбительные из-за предельной значимости догматики для религиозного человека. Из-за этого любые виды «ереси» можно описать как нарушающие данный закон. Богословы и философы не могут не знать далеко идущие последствия своих высказываний, это достаточно дееспособные люди, чтобы осознавать общественную опасность своих лекций, большая часть которых – в открытом доступе. Нам могут возразить, что теолог не преследует цели оскорбить чувства другого теолога, когда высказывает точку зрения, противоположную его взглядам, но как это установить, если последняя выглядит и даже звучит оскорбительно для его коллеги?

Мы имеем наглядный пример [68] в виде Руслана Соколовского, «ловившего покемонов» в екатеринбургском Храме на Крови в 2017 году, который вряд ли имел какие-либо иные цели, кроме обычного стремления к созданию популярного контента для подписчиков на YouTube. Как и теолог, публично в храме учащий ереси, он всего лишь осознавал возможные последствия своего шага, но не придал этому значения, отнёсся безразлично – и всё же его судили по статье 148, вменив прямой, а не косвенный умысел или неосторожность. Следует помнить, что в соответствии со статьёй 25 УК РФ прямой умысел определяется тремя компонентами: осознанием общественной опасности, предвидением наступления последствий и желанием, чтобы эти последствия действительно произошли. Р. Соколовский, по собственным словам, «воинствующим атеизмом … не занимался» [44], как-либо оскорбить чувства верующих не желал и не имел таковой цели. И никакие иные источники, кроме самого обвиняемого, не могут подтвердить или опровергнуть инкриминируемые ему цели. В то же время, быть может, следует квалифицировать некоторые нарушения по косвенному, а не прямому умыслу. В случае Соколовского прослеживается скорее сознательное допущение чужой оскорблённости и безразличие к тем, кто из верующих будет смотреть его видеоматериалы. С теологами дело обстоит подобным же образом. Цель теологической рефлексии (конечно, более благородного занятия), направлена на поиск Истины, какой бы она ни была, но теолог никогда не сможет заранее предугадать, как откликнутся его мысли в сердцах других людей. Обвинение в богохульстве может прозвучать в адрес самого искреннего и нравственного человека.

Прежде речь шла о нелюбви сторонников единомыслия к сторонникам инакомыслия и о возможности считать субъектом преступления условных «еретиков». Случается, однако, что «еретику» сознательно запрещают участие в тех ритуалах, которые он считает в своей системе религиозных координат жизненно необходимыми. К этим ритуалам «еретик» относится эмоционально, он понимает их иначе, но не готов расстаться с религиозной

организацией, вскормившей его духовный опыт. Инакомыслящий, не готовый создать собственную религиозную группу – а мы сталкивались с этим неоднократно – желает участвовать в ритуале, но ему не позволяют этого сделать, препятствуя его праву на свободу вероисповедания. Должен ли он обращаться в суд, чувствуя себя несправедливо ущемлённым в правах? Разве проклятье (анафема) такому человеку, обречение его и его близких и родных на бесконечные адские муки не будет равносильным самому тягчайшему оскорблению его религиозных чувств?

Философ Уильям Джеймс пишет: «манера дискредитировать те состояния духа, которые нам антипатичны, без сомнения, очень распространена. Мы все до известной степени пускаем её в ход, когда критикуем тех людей, чьи идеи и чувства нам кажутся ненормальными. Но когда другие, в свою очередь, не хотят видеть в нашем энтузиазме ничего, кроме известных органических состояний, мы чувствуем себя глубоко уязвленными этим, т. к. знаем о себе, что каковы бы ни были свойства нашего организма, наши душевные состояния имеют цену жизненной правды» [12, с. 13]. Поэтому все эти вопросы не имеют однозначного ответа, здесь затрагивается та область уголовного права, которая соприкасается со сложной человеческой природой. Относясь к ней строго формализовано, не учитывая философскую сторону вопроса, мы придём к тому, что субъектом преступления станет возможным назвать любого высказавшегося против другой религии, и тогда задача государства – охранять общество – окажется невыполнимой.

В настоящее время определение субъективных признаков по статье 148 УК РФ, на первый взгляд достаточно простое, на самом деле затруднительно ввиду ошибок в уголовном законодательстве, непонимания законодателем сути религиозного опыта и отсутствия заранее прописанных границ между критикой, высмеиванием и оскорблением, что позволяет экспертам предвзято толковать поведение лица и его внутренние мотивы.

2.3 Отграничение состава преступления по статье 148 УК РФ от составов статей 136, 213, 214, 244, 282 УК РФ, статьи 5.26 КоАП РФ

Другие статьи УК РФ также пересекаются с религиозной сферой общественной жизни. Хотя в одних случаях пересечение уместно, в иных, на наш взгляд, создаётся реальная конкуренция отдельным частям статьи 148.

Статья 136 УК РФ предусматривает ответственность за дискриминацию, в числе прочих, по признаку отношения к религии. Субъект преступления – специальный, это лицо, от служебных обязанностей которого зависит осуществление равенства прав и свобод человека и гражданина. Объектом преступления выступает гарантированное статьёй 19 Конституции РФ равенство прав и свобод всех граждан России. Родовой и видовой объекты совпадают.

С составом преступления, предусмотренным статьёй 148, состав преступления по статье 136 совпадает лишь до некоторой степени. Хотя посягательство на свободу вероисповедания создаёт ситуацию, где угрозе подвергается и равенство (при этом имеется ввиду равная возможность исповедовать какую-либо религию, говорить и писать в соответствии с конфессиональным учительством), статья 136 касается и других случаев дискриминации.

Статьёй 213 УК РФ предусмотрена ответственность за хулиганство. Объектом преступления выступает общественный порядок, а объективная сторона выражается в его грубом нарушении [45]. Хотя статья 213 применяется не только по отношению к хулиганству, совершённому на почве религиозной ненависти, в некоторых ситуациях, связанных с данной формой ненависти, она конкурирует с частью 1 и частью 2 статьи 148. Законодатель определяет «неуважение к обществу» в качестве условия нарушения общественного порядка, что безусловно схоже с диспозицией части 1 статьи 148 УК РФ.

В пункте «б» части 1 статьи 213 написано о совершении хулиганства по мотивам религиозной вражды. По какой причине «оскорбление религиозных чувств» не может интерпретироваться как попадающее под действие статьи 213, если в таких обстоятельствах, как правило, имеется мотив религиозной вражды? Для чего, иными словами, нужна статья 148 УК РФ, если достаточно всего лишь дополнить статью о хулиганстве? В особенности это касается случаев совершения преступления на территории храма, например, как произошло с С. В. Авериным. Приговором Скопинского районного суда от 09.08.19, по делу № 1-49/2019 он был признан виновным в нарушении статьи 148 УК РФ за то, что обвешал храмовые двери листами, накануне вырезанными из Священного Писания [37].

В приговоре говорится о том, что Аверин имел «сформировавшееся негативное отношение к лицам, объединенным по признакам национальности, отношения к религии». Статью 213, тем не менее, не упомянули вовсе, хотя имеет место нарушение общественного порядка — поведение преступника и нарушение правил общежития привели к острому социальному конфликту. Мы уже упоминали дело Pussy Riot, по завершении которого девушки были наказаны именно по статье 213 УК РФ, где объектом преступления выступал общественный порядок. При посягании на общественный порядок в данном случае нарушаются конституционные права граждан, в том числе свобода совести и свобода вероисповедания, как они декларируются государством.

Вандализм, связанный с религиозными мотивами, считается отягчающим обстоятельством согласно части 2 статьи 214 УК РФ. Схожий со статьёй 148 признак объективной стороны преступления – грубое нарушение общественного порядка. На первый взгляд, вандализм также пересекается с нарушением права на свободу совести и вероисповедания, поскольку вандал может осквернить религиозные памятники и тем самым затронуть религиозные чувства верующих. Также исторически вандализм приравнивался к закону о богохульстве, как мы указывали в параграфе 1.2.

Однако, как верно заметил Верховный Суд РФ в Постановлении от 15.11.2007 N 45, статья 15, «при вандализме нарушается не только общественный порядок, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте или в иных общественных местах» [34]. С 2007 года понимание вандализма законодателем не изменилось. Чужое имущество, вне зависимости от принадлежности религиозному культу, выступает предметом данного преступления, тогда как в статье 148 УК РФ самому по себе имуществу конфессий не придаётся значения и делается акцент на его религиозной значимости. С положениями статьи 148 здесь имеются лишь опосредованные сходства. Вместе с тем, мы должны отметить, что иногда вандализм, направленный против религиозных сооружений и церковного имущества по мотивам религиозной вражды или ради профанации сакрального в глазах верующего населения, всё же связан с тем, что обычно считается оскорблением чувств верующих.

Статья 244 УК РФ предусматривает ответственность за надругательство над телами умерших. Смежный состав будет присутствовать лишь в тех малочисленных случаях, когда надругательство над телами умерших выражается в поругании мощевиков, имеющих для католических и православных христиан религиозное значение. Как в том, так и в другом случае возможно применение наказания по совокупности.

В статье 282 УК РФ законодатель предусмотрел ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Одной из её форм является ненависть или вражда по признакам отношения к религии. В этой связи необходимо задать вопрос: будет ли нарушением статьи 282 утверждение о том, что православные – полноценные христиане, а католики – еретики, не имеющие надежды на спасение и приобщение к избранному Народу Божьему – Церкви? Что такое религиозная рознь и чем она отличается от оскорбления чувств верующих? Будет ли считаться призывом к возбуждению оной розни проповедь избранничества

Православной Церкви по сравнению с другими конфессиями? Ведь такая проповедь всегда вызывает ответ в среде, на которую полемически направлена. Данная статья вступает в очевидный конфликт со статьёй 148 УК РФ. Единственный способ решить этот конфликт, на наш взгляд, это исключить строку «по признакам… отношения к религии» и ориентироваться, как и прежде, на нарушение общественного порядка – которое в религиозных вопросах всегда приводит к ненависти и вражде.

Стоит частично коснуться разграничения уголовной и административной ответственности в области нарушения права на свободу совести. Диспозиция части 1 статьи 5.26 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) соотносится с диспозицией части 1 и части 2 статьи 148 УК РФ, практически составляя объективную сторону состава преступления. Хотя статья 5.26 КоАП РФ не включает формулировку «в целях оскорбления чувств верующих», воспрепятствование принятию религиозной веры может выражаться в её дискредитации, а конечной целью такого воспрепятствования будет циничная и безнравственная попытка пренебречь религиозным чувством. Современная правовая доктрина отмечает коллизионность этих статей [64, с. 88], их частичное или полное взаимоисключение.

Сопоставляя часть 1 и часть 2 статьи 148 УК РФ и часть 2 статьи 5.26 КоАП РФ, мы вынуждены согласиться с И.А. Жамурзовым в том, что «законодателем не проведена чёткая грань между упомянутыми статьями» [15, с. 136], на практике положения КоАП РФ применяются в тех случаях, когда деяние по своей общественной опасности имеет малозначительную степень и правомочному органу не удаётся доказать у лица наличие цели оскорбить религиозные чувства [66, с. 88].

Итак, как показывает сравнительный анализ, в некоторых предусмотренных статьёй 148 случаях законодатель мог бы обойтись уже имеющимися составами. При этом, в других случаях деяние должно квалифицироваться как нарушение права на свободу совести и

вероисповедания. Вероятно, законодателю следовало отразить в тексте УК РФ принципиальное различие между хулиганством по религиозному мотиву и нарушением права на свободу совести, иначе сформулировав статью 148.

Таким образом, определение объективных и субъективных признаков состава преступления по статье 148 УК РФ имеет сложный и неоднозначный характер, сравнение с другими статьями показывает, что законодателю следовало:

- привести действующую редакцию статьи 148 в соответствие с Конституцией РФ, включив религиозные группы;
- переосмыслить суть религиозного опыта с точки зрения философии, а не формальных юридических подходов,
- исключить часть 1 и часть 2 УК РФ вообще, удовлетворившись схожими статьями, либо переформулировать с учётом отсутствия критериев оскорблённости и границы между высмеиванием и критикой.

Заключение

В заключение настоящей дипломной работы, следуя целям, указанным в введении, а именно: раскрыть сущность защиты религиозных чувств верующих и выявить, а также попытаться решить проблемы её реализации, представляем следующие выводы.

Во-первых, как было показано в первой главе, вместить религию, а соответственно и защиту религиозных чувств, в юриспруденцию невозможно, возможно лишь выставить определённые внешние границы её социального значения и проявления, но эти границы всегда останутся шаткими в силу того, что юриспруденция не работает с личностью человека, она работает с портретом, меняющимся в зависимости от времени и господствующих в обществе представлений. Иными словами, уголовное право защищает не чувства верующих, как таковые, а понимание этих чувств, как оно раскрывается в трудах учёных юристов и в торжествующей общественной идеологии. Часть 1 статьи 148 УК РФ – бессмысленная с этой точки зрения. Сама мысль каким-либо образом контролировать или устанавливать степень оскорблённости религиозных чувств чужда науке, работающей с сухим, формализованным законом, исключающим сферу духовного опыта.

Второе, хотя законодатель не способен свести религию к формуле, он по крайней мере может выставить такие границы, которые защищали бы общественный порядок, связанный с правом на определённую религиозную или нерелигиозную самоидентификацию (уже имеющееся статья 213 УК РФ), и законную деятельность религиозных организаций (часть 3 статьи 148 УК РФ). Вместо того, чтобы оценивать внутреннюю жизнь личности и следить за перепитиями религиозно-атеистических споров и перфомансов, ему стоило бы контролировать лишь то, что относится к юридической деятельности религиозных организаций и праву на проведение ими церемоний, все же попытки нарушить общественный порядок путём посягательства на данное право и на свободу действовать в соответствии с вероисповеданием

квалифицировать как нарушение статьи 213 УК РФ, не обращая внимания на абстрактные понятия наподобие «чувств», которые якобы могут оскорбиться.

Защита данного общественного порядка должна учитывать не только религиозные организации и группы (в действующее редакции, как мы уже говорили, указание на группы отсутствует), но и организации, заявленные как пропагандирующие светский гуманизм и научный скептицизм, поэтому законодателю следует позаботиться о приведении вышеуказанных норм в соответствие с Конституцией РФ.

На наш взгляд, попытки запретить какие-либо выпады в сторону религиозных или атеистически настроенных лиц, ссылаясь на оскорбление чьих-либо чувств и создавая видимость объективности их оценки, угрожают общественному порядку не в меньшей степени, чем сами выпады. Часть 1 и часть 2 статьи 148 УК РФ требуется, как максимум, вовсе исключить или, как минимум, переформулировать таким образом, чтобы не были нарушены права атеистов выражать критическое отношение к религии, а инакомыслящих – несогласие с главенствующей конфессиональной доктриной.

Таким образом, вероятно, наиболее оптимальный способ решить проблемы уголовно-правовой защиты религиозных чувств верующих – это покончить с какими-либо попытками защищать их, сосредоточившись на внешней деятельности религиозного сообщества и защите общественного порядка.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акельева А.А. Проблема разграничения оскорбления религиозных чувств и свободы слова. // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. № 6-2. – С. 63-67

2. Акция "Pussy Riot" была спланирована заранее и преследовала цель унизить чувства христиан, заявляет прокурор (дополненная версия). [Электронный ресурс] // «Интерфакс», 30.07.2012. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=46698. (Дата обращения: 11 апреля 2021 года).

3. Андрощук В. В. Общий характер религиозных деликтов, их виды и место среди уголовно-наказуемых деяний. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 8 (18) – С. 18-21.

4. Архим. Феогност (Пушков). Евангельское учение о вечных муках: слова и притчи Христа [Электронный ресурс] // Православный портал «Иисус». 23.11.2020. URL: https://jesus-portal.ru/truth/articles/evangel-skoe-uchenie-o-vechnykh-mukakh-slova-i-pritchi-khrista. (Дата обращения: 28 марта 2021 года).

5. Барбиерато Ф. Как принять неприемлемое. Богохульство и атеизм в судебной практике римской инквизиции в XVII веке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2 (35). – С. 74-91.

6. Бешукова З. М. Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского Суда по правам человека) // Общество и право. 2010. № 1 (28). 268 – С. 268-275.

7. Библия в переводе Международного Библейского Общества (Новый русский перевод): [Электронный ресурс] // Библия онлайн. URL: https://bibleonline.ru/bible/nrt/. (Дата обращения: 24 апреля 2021 года).

8. Булгаков С. Н. Тихие думы. – М. : Республика, 1996. – 508 с.

9. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948): [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

Документы. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/. (Дата обращения: 13 мая 2021 года).

10. Годелье М. Загадка дара. – М.: Восточная литература РАН, 2007. – 293 с.

11. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (Принята 25.11.1981 Резолюцией 36/55 на 73-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс. Документы. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16882#034254083201338204. (Дата обращения: 13 мая 2021 года).

12. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович, М.В. Шик, под ред. СВ. Лурье. – М. : Академический проект, 2017. – 415 с.

13. Джамалова Э.К., Скулаков Р.М. О взаимосвязи религии, правосознания, правовой культуры человека и территориальной целостности государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. № 4. – С. 41-45.

14. Дорская А. А. Правовой статус подданого Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2(215) - С. 213-224.

15. Жамурзов И.А. Проблемы разграничения уголовно-правовой и административной форм ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. – С. 134-136

16. Закон СССР от 01.10.1990 N 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1990, N 41, ст. 813.

17. Закон РСФСР от 25. 10. 1990 N 267-1 (ред. от 27. 01. 1995) «О свободе вероисповеданий» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 1990, N 21, ст. 240.

18. Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования. // Журнал российского права. 2010. № 9. – С. 46-58.

19. Казанцева Н. В. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на свободу совести (по результатам эмпирического исследования) // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43). – С. 42-45

20. Келеберда Н. Г., Тищенко Е. В. Российский и западноевропейский опыт правового регулирования свободы совести и свободы творчества: философская оценка // Философия права. 2016. № 6 (79). – С. 107-113

21. Конституция РФ (с учетом поправок от 30. 12. 2008 N 6-ФКЗ, от 30. 12. 2008 N 7-ФКЗ, от 05. 02. 2014 N 2-ФКЗ, от 01. 07. 2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

22. Кодекс Феодосия «о язычниках, жертвоприношениях и храмах» // пер. Ведешкин М.А. Via in tempore. История. Политология. 2013. № 15 (158). – С. 38-47.

23. Комаров А.С. Проблема свободы вероисповедания в раннехристианской мысли // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. – С. 173-183

24. Кураев А.В. Церковь в мире людей. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 542 с.

25. Левин В.Ф. Нарушение свободы отправления веры в правовом пространстве российского государства в конце XIX - начале XX вв. // Вестник РУК. 2011. №1. – С. 78-84

26. Матецкая А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: Российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. – С. 36-45.

27. Международный пакт о гражданских и политических правах: [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (Дата обращения: 13 мая 2021 года).

28. «Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г». // СПб. : Изд-во В.П. Анисимова. 1903 г. – 250 с.

29. Орлова О. В. Правовая свобода личности в гражданском обществе // Журнал российского права. 2007. № 5. – С. 76-83.

30. Основы религиоведения. Учеб. / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, |М. П. Новиков|, и др.; под ред. И.Н. Яблокова. – М. : Высш. шк., 1994. – 368 с.

31. Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4 (83). – С. 111-116

32. Пирбудагова Д.Ш., Исаева К.М. К вопросу о правовом режиме свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. № 4. – С. 95-98.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28. 06. 2011 N 11 (ред. от 03.11.2016). «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // «Российская газета», N 142, 04. 07. 2011 г.

34. Погасий А.К. Религиозное правоведение. – Казань : ИД МеДДок, 2015. – 308 с.

35. Прп. Иосиф Волоцкий. Просветитель / Предисл. митр. Иоанн (Снычев), отв. ред., авт. послесл. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 432 с.

36. Православная вера и таинство крещения: [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya. (Дата обращения: 15 марта 2021 года)

37. Приговор Скопинского районного суда № 1-49/2019 от 9 августа 2019 г. по делу № 1-49/2019: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/. (Дата обращения: 7 мая 2021 года).

38. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М. : Высш. шк., 1988. – 414 с.

39. Религиоведение: учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений / В. Лебедев, А. Прилуцкий, В. Викторов. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 611 с.

40. Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. – М. : Гардарики, 2000. – 536 с.

41. Религия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. (рус.) / под ред. В.С. Степина. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.

42. Решение Ленинского районного суда города Грозного от 17.07.2020 по делу № 2А-626/2020: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IXX1jiGJYAgW/. (Дата обращения: 11 апреля 2021 года).

43. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. д.и.н., проф., А.И. Клибанов. – М., 1989. – 719 с.

44. Руслан Соколовский – о приговоре за отрицание Бога, Pussy Riot и мощах святого Николая: [Электронный ресурс]. // Афиша Daily (25 мая 2017). URL: https://daily.afisha.ru/cities/5428-o-prigovore-za-otricanie-boga-sashe-spilberg-pussy-riot-i-moschah-svyatogo-nikolaya/. (Дата обращения: 28 марта 2021 года).

45. Романова А. С. Отграничение хулиганства от смежных составов // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). – С. 67-70.

46. Свечница храма об акции Pussy Riot: от «бесовского дрыгания» горечь и боль чувствую до сих пор. // «Интерфакс», 30.07.2012. URL: https://www.interfax.ru/russia/258135. (Дата обращения: 11 апреля 2021 года).

47. Смирнов А. М. Инквизиция (самосуд) русской православной церкви // Пролог: журнал о праве. 2014. № 4. – С. 25-31.

48. Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. Часть 1. Апологетические сочинения Тертуллиана. – Киев: Тип. Акц. Об-ва «Петр Барский, в Киеве». 1910. – С. 81-204.

49. «Соборное уложение 1649 г». – М. : Изд-во МГУ. 1961. – 414 с.

50. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13. 06. 1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

51. Уголовный кодекс Голландии. Перевод с английского / науч. ред. Волженкин Б.В.; пер. Миронова И.В. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.

52. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Перевод с немецкого / Науч. редактирование и вступ. ст. Д.А. Шестакова; Предисл. Г.Г. Йешека; пер. Н.С. Рачковой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 522 с.

53. Уголовной кодекс Австрии. Перевод с немецкого. / науч. ред. и вступ. ст. С.Ф. Милюкова : предисл. Эрнста Ойгена Фабрици : пер. Л.С. Вихровой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). – 350 с.

54. Уголовный кодекс Дании. Перевод с датского / Науч. ред. С.С. Беляев; пер. С.С. Беляева и А.Н. Рычевой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 228 с.

55. Уголовный кодекс Бельгии. Перевод с французского / Пер.: Мачковский Г.И.; Науч. ред. и предисл.: Мацнев Н.И. – С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 561 с.

56. «Устав св. Владимира (пространная редакция)» // П.Н. Мрочек-Дроздовский. История русского права. Приложение 1. М., 1892 г.

57. Устав Лиги Наций: [Электронный ресурс] // Российский правовой портал. Библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=5910 (Дата обращения: 13 мая 2021 года).

58. «Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море». СПб. : При Императорской Академии наук. 1780 г.

59. «Устав воинский» // Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. V. 1713-1719. № 3006. 203 – 453 с.

60. Устюжанинова Е.А., Пибаев И.А. Развитие законодательства о защите религиозных чувств граждан в свете конституционного принципа светскости государства и права на свободу вероисповедания в России и Италии // ВЭПС. 2016. № 1(201) – С. 201-208

61. Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). – С. 199-205

62. Федеральный закон от 26. 09. 1997 N 125-ФЗ (ред. от 06. 07. 2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // «Собрание законодательства РФ», 29.09.1997, N 39, ст. 4465

63. Французская республика. Конституция и законодательные акты : [Сборник : Пер. с фр. / Сост. В.В. Маклаков, В.Л. Энтин]; Под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. – М. : Прогресс, 1989. – 445 с.

64. Чернышкова З.Е., Иванова Е.В., Кузнецова О.В. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих // Манускрипт. 2017. № 3-2 (77). – С. 202-205

65. Чудновцев М.И. Церковь и театр конец XIX-начало XX в. – Академия наук СССР. Научно-популярная серия. – Москва : Издательство «Наука», 1970. – 129 с.

66. Шилин Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения // Журнал российского права. 2016. № 5 (233). – С. 81-89

67. Эдикт Нантский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. XL. С. 167-168.

68. «Sokolovsky! Ничего святого». Приговор Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга: [Электронный ресурс] // Медиазона (17 мая 2017, 16:49). URL: https://zona.media/article/2017/05/17/sokolovsky-prigivor. (Дата обращения: 7 мая 2021 года).

69. The Cambridge Medieval History – Vol. 4; The Eastern Roman Empire (717-1453) // J. B. Bury with J. R. Tanner, C. W. Previté-Orton and Z. N. Brooke, 1923. – 1036 p.

70. Council of the League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, September 15, 1994, reprinted in 18 Hum. Rts. L.J. 151 (1997): [Электронный ресурс] // University of Minnesota. Human Rights Library. URL: http://hrlibrary.umn.edu/instree/arabcharter.html. (Дата обращения: 13 мая 2021 года).

71. Constitution of the United States: Amendments 11-27: [Электронный ресурс] // National Archives. URL: https://www.archives.gov/founding-docs. (Дата обращения: 13 мая 2021 года).